

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
В20

Редактор серии

Д. Ларионов

Васякина, О.

В20 *Степь: Роман* / Оксана Васякина. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 232 с.

ISBN 978-5-4448-1788-9

Спустя десять лет после развода родителей дочь встречается отцом-дальнобойщиком и едет с ним по центральной России и южным регионам. «Степь» — новый роман Оксаны Васякиной, составляющий дилогию вместе с дебютной «Раной»: первая книга — о прощании дочери с умершей матерью; вторая — об отношениях с отцом. Возвращаясь мыслями в кабину грузовика, мчащегося через степь, героиня размышляет о мужчинах, чья молодость пришлось на 1980–1990-е годы; о болезнях, от которых многие из них молча умирают; о том, как время выдохнуло отца, оставив на холодном ветру будущего; о России, не знающей, что делать с собственной историей. Оксана Васякина — писательница, лауреатка премий «Лицей» (2019) и «НОС» (2021).

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении обложки использован рисунок неизвестного художника. Ок. 1575–1599. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

© О. Васякина, 2022

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Привязав себя к жерлам турецких пушек,
степь отряхивается от вериг,
взвешивает курганы и обрушивает,
впотьмах выкорчевывает язык
и петлю затягивает потуже,
по которой тащится грузовик.

Алексей Парщиков. Степь

Кажущееся молчание степи — это ее голос...

Вера Хлебникова

Т о р с. — Лишь тот, кто привык относиться к собственному прошлому как к отродью, порожденному нуждой и бедствиями, способен в любой момент извлечь из него самое ценное. Ибо прожитое можно в лучшем случае сравнить с прекрасной статуей, которая потеряла при перевозке все члены и теперь представляет собой не более чем ценный блок, из которого ему надлежит высечь облик будущего.

*Вальтер Беньямин.
Улица с односторонним движением*

Я видела степь из окна самолета. Знаешь, на что она похожа? Степь похожа на жилистый кусок пожелтевшего мяса. Темно-рыжие линии, как тяжелые змеи, исполосовали пески, серые реки исполосовали пески. Степь — это не пустыня, в ней видна жизнь. Травы серые и голубые. Стрекочащие насекомые, холодные ужи, шахматки шустрые в дельте Волги.

Я думала, что степь похожа на мягкий живот. Из окна отцовской фуры было видно, как она лежала и ворочалась крохотными возвышенностями. Степь — это песок, прорезанный травами и маленькими белесыми цветами. Нельзя свернуть с бетонированной дороги, говорил отец, только двинешь вправо или влево — колеса завязнут, и тебе конец. Когда едешь груженный, вообще лучше не делать лишних движений, особенно если твой груз — стальная труба: ты тяжелый, скорость набираешь быстро, а сбавляя, еще долго идешь по инерции и не остановиться.

Так, груженный трубой, он шел на Волгоград под утро. Утро в степи ослепительное, розовое. Все пространство сразу заливает свет, потому что нет ему преграды в степи. Утомленный за ночь, он начал подремывать, машина шла по ровной дороге, и сон, как большая теплая ладонь, накрыл его. Накрыл и толкнул, он проснулся от скрежета и воя. Машина еще шла, но медленно. Он посмотрел в зеркало заднего вида, на дороге лежала большая железная лепешка бело-синего цвета. Два пьяных гаишника ехали с ночного гулянья и на скорости под двести километров в час вылетели на встречу. На пустой утренней дороге по встрече шел МАЗ, груженный трубой, а в кабине спал мой отец. Маленький шустрый Mercedes зашел под фуру и, немного толкнув ее в пузо, весь сжался, раздавив внутри себя два размякших от пьянства и сна мужских тела.

Отцу за это ничего не было, потому что было понятно: только Mercedes мог позволить себе такой маневр. Отец был уже почти глухой, и скрежет металла сквозь сон не показался ему страшным. Вот теперь я вам за всех отомстил, простодушно говорил отец. Смерть гаишников от его МАЗа казалась ему справедливой. Отец не чувствовал своей вины, да ее и не было: даже если бы он затормозил, то по инерции шел бы еще какое-то время, а свернуть ему было некуда. На место приехали другие гаишники, они развели руками — несчастный случай. Проверили его документы и накладные на трубу. С сожалением отметили, что, проснись

отец на полчаса позже, не встретил бы их на дороге. Mercedes вошел под него как раз за пару километров до поворота на поселок, куда те ехали ночевать. Отец хмыкнул и подумал, что не повезло им, потому что он спать не лег, а еще потому, что они — козлы.

Когда везешь кур, то едешь под непрерывное кудахтанье. Их так и загужают под тент — ставят одну на другую плоские клетки. В дороге птицы гибнут и тухнут на жаре. Весь нижний слой клеток достают, а там обмякшие рыжие и белые тушки, все мертвые или вот-вот издохнут: пол кузова в темных вонючих пятнах и бело-сером помете. После арбуза тоже тяжело, на кочках арбуз трескается и течет. Потом киснет, воняет. После таких грузов надо брать метлу и тщательно выметать мокрый дощатый пол, потом водой под сильным напором выгнать вьевшиеся соки помета, крови и ягодного волокнистого мяса. Отец любил везти трубу. Он говорил, что труба не умирает и не портится. Взял — вези, встал — охранять не надо, никто у тебя ее не утащит, она же тяжелая. Один раз у него угнали фуру с трубой, но я тебе потом про это расскажу.

Раньше степь была садом. Люди построили оросительные системы и выращивали в степи все, что им хотелось: в степи много солнца и они снимали за лето по три урожая. Алые мясистые помидоры «бычье сердце», рыжие тыквы, огурцы и хлеб. Все это было в степи. Сейчас посмотришь, и кажется, это одна сплошная солончаковая пустошь с голубыми облачками

верблюжьих колючек. Но это не так: если степи дать воду, она на многое способна.

Потом люди ушли. Ну как ушли... Люди перестали заниматься этой землей. Настало другое время. Совхозы распались, как распадается луковая шелуха. Но трубы от оросительных систем остались. Они стали ничьими. Они остались, как простые вещи, схороненные в песке и степных травах

Ты спрашиваешь, как брали трубу, а вот так и брали, воровали. Земля теперь ничья, и на ней ничего не растет, только труба в ней портится. Мелкие бизнесмены вызывают фуру через диспетчера, фура подходит к полю, там по периметру эскалатор с краном достает трубы из песка. Грузят и отправляют в Москву, чтобы через Москву продать в Астрахань. Отец так однажды привез груз на базу в Москве, недалеко от Каширки. Стоял пару дней, ждал, пока скажут, куда грузить. Ему позвонили с утра, сказали, вези обратно, на Волгоград. Бумаги перепечатали, поставили наценку в накладной и отправили его обратно. Туда, где эту трубу выкопали. Так из ничего и из неугомонного движения туда-сюда делаются деньги. Однажды я спросила отца, не страшно ли ему вот так бессмысленно везти трубу в Москву, чтобы потом ее же вернуть обратно. Он ответил, нет, не страшно, главное, чтобы деньги платили.

Диспетчерша Раиса позвонила отцу: сказала, что будет труба. Мы приехали на место под Капустиным Яром. Встали посреди степи. А они не приехали ни завтра, ни

послезавтра не приехали. Но позвонили и обещали приехать через два дня: что-то там было у них с техникой, то ли сломалась, то ли не успели украсть. Тогда мы поехали до ближайшего рынка. Купили водку, блок сигарет, несколько банок сгущенки, тушенку, две буханки ржаного хлеба и немного пива. Пиво, пока оно было холодным, я выпила по пути до стоянки.

Я сразу спросила отца, сколько нам ждать. Он не знал, сколько ждать. Никто не знал, сколько ждать. Все зависело от случайности, и время от этого становилось большим, неуправляемым и при этом совершенно необязательным. Ждать стало интереснее. Я съела всю корку от хлеба, вымакав ее в сгущенке. Потом на горелке сварила макароны. Степь раскрыта, и ты в ней как будто голая. Серая фура стояла посреди поросшей верблюжьей колючкой и полынью равнины, и мы жили в этой фуре пять дней, пока нам не пригнали кран, чтобы грузить трубу.

Ждать в этом мире, мире простертого серого пространства, означало торопить события, навязывать им свою волю. *Ждать* было чем-то запретным. Необходимо было просто жить. Проживать каждую минуту, прием пищи и отправление нужды. Спокойно и с вниманием прожевывать простую еду, курить потрескивающий от накопившейся за ночь влаги синий Winston. Все делать со вкусом. Жизнь коротка, сказал отец, только из пизды вылетел, а уже в гроб метишь.

В первый же день я выпрыгнула из кабины и пошла в сторону от дороги к горизонту. Шла, чтобы фура пропала из виду, но она всегда была за спиной. Я шла и шла, а фура все не пропадала, потом я совсем устала и присела, сняв штаны. Струйка мочи покатила между сандалиями, собирая в себя крохотные осколки мертвых трав и белую мучнистую пыль. Небо вечером в степи нежное, иногда сизое, а бывает розовым, как язык. По такому светлому небу как полотна растянуты белые длинные облака. Ветра нет, и все застывает, время не идет, и облака останавливаются над землей. Медленно темнеет, и только темнота показывает, как что-то меняется здесь, в степи.

Я возвращалась, и фура становилась все больше. Потом я уже не ходила в степь, а просто отходила за колесо в то место, где отцу не видно, и писала.

В степи все погибает от скуки. Мы ели разваренные белые макароны-ракушки и пили водку. Стояла жара, и на жаре я не становилась пьяной, а становилась дурной и молчаливой. Отец тоже был угрюмый от водки, а потом, поворчав, засыпал на своем засаленном лежаке.

Днем гул степи застилает яркий непреодолимый свет. Ты смотришь на этот простор и ничего, кроме изумления, чувствовать не можешь. Изумления оттого, что степь бесконечна и она все лезет, лезет тебе в глаза. И нет в ней места, где от нее самой укрыться

днем, ее необходимо терпеть, сознавать и принимать такой — великой, немного сиротливой и однообразной.

Ночь в степи оглушительна. Она черная, и стрекот в ней стоит такой, что вонзается в твое тело тысячью игл. Спать в ней тяжело, она как будто вся набрасывается на тебя. Ночная степь — это войско лучников, направивших на тебя свои черные электрические стрелы.

Трава все шепчет, шепчет о страшной опасности, сверчки вопят, и ночная духота делает твое тело осязаемым для тебя самой. Тебя словно кровью обливают в ночной степи, дурман от остывающей полыни и болиголова сливается с запахом твоего пота и других солоноватых выделений. В ночной степи ты знаешь свое тело на скудных истертых простынях. От этого страшно и мучительно болит голова. Ветер приносит запахи гари и дерьма. Степь наступает, и ты в кабине грузовой машины лежишь как голая, глядя в черное окно.

Насекомые в степи стрекочут, но их не видно. Птицы в степи пролетят, заигравшись, и исчезают в небе, в далекой тишине. В степи нет ничего, за что можно зацепиться глазу, в степи есть только даль. Иногда ветер принесет обрывок пластикового стаканчика, поднимешь его, и он рассыпается у тебя на ладони, как древний пергамент. В степи все рассыпается и тлеет. Отец выбрасывал окурки и бутылки от дюшеса прямо из окна, я спросила, почему так, он ответил, что степь заберет. Степь все забирала, и непонятно, куда

оно все девалось. Все в ней рассыпалось и гибло, как если бы она была полем губительного звука, который на молекулярном уровне разрушает любой объект, который в нее попадает.

Отец любил степь. Наверное, потому, что она вся была безответным пространством. Она не прекращалась, и любую опасность можно было приметить издалека. В степи жили мелкие ужики и гадюки, но они боялись шума и не показывались. Иногда по степи шел комок перекасти-поля. На ветру его движения казались немного животными, и сам он казался дышащим телом. Но комок был мертвый, хотя и сеял в своем движении белое сухое семя.

Знаешь, у отца не было ничего кроме степи, которую он понимал, как свой дом, он степь любил за простор. У него своего не было ничего. Место в гараже хранить фуру было не его, а так, чье-то. Чтобы его занять, он брал маленький исцарапанный Samsung и сначала куда-то писал эсэмэски. Знак пробела в SMS он ставить не умел, как не умел менять и строчную на прописную. Поэтому все его эсэмэски были с маленькой буквы через точку. Как велосипедная цепь. Когда ему не отвечали, он звонил, чтобы спросить, свободно ли место на стоянке. Ему не отказывали никогда, и он закатывал свой МАЗ на стоянку, чтобы почистить салон и отремонтировать. Ремонтировать всегда было что, в этом уж не сомневайся.